

СКАЗАНИЕ О ВАРЯГАХ-МУЧЕНИКАХ В НАЧАЛЬНОМ ЛЕТОПИСАНИИ И ПРОЛОГЕ: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Рассказ о киевских варягах-мучениках, известный в двух вариантах — летописном и проложном, — издавна привлекал внимание исследователей, ведь речь в нем идет о первых русских святых.

Это краткое, но чрезвычайно интересное повествование, тем не менее, изучено совершенно недостаточно. Между тем оно содержит не только информацию о христианском подвиге варягов-мучеников, но и важные сведения о религиозной практике и обычном праве дохристианской Руси. Однако, прежде чем ставить и пытаться решить собственно исторические вопросы, необходимо, насколько это возможно, выяснить вопросы источниковедческие, которые неизбежно встают в связи с тем, что имеются две версии повествования. Приведу их полностью.

Летописная повесть о варягах-мучениках

1.

2. Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, и взя землю их.

3. И иде Киеву, и творяше потребу кумиромъ с людьми своими.

4. И рѣша старци и боляре: «м[е]чем жребии на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ».

5. Бяше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церки святыя Богородица, юже сдѣла Володимеръ.

6. Бѣ жа Варягъ то пришелъ из Грекъ, [и] держаше [в таинѣ — НПЛ, Ип.] вѣру хрестыаньску; и бѣ оу него сынъ красенъ лицомъ и душею, на сего паде жребии по зависти дьяволи.

7. Не терпяшетъ бо дьяволъ, власть имы надо всѣми, и се бяшетъ ему аки тернъ въ сердци; [и] тѣшася потребити оканьнии, и наоусти люди.

8. [И] рѣша пришедше послании к нему, яко «паде жребии на сынъ твои, изволиша бо и бози собѣ, да створимъ потребу богомъ».

Проложное житие варягов-мучеников

М(ѣся)ца [т]ого же /июля/ въ 12 д(е)нь прѣблагеноу моученику, варѣга и с(ы)на его [и]вана [оу]биеную въ Киевѣ.

Владимиръ великы еше поганъ сы, побѣди Ятѣвѣгы.

И пришедъ в Киевѣ, и творѣше жертвою идоломъ съ бояры о побѣди.

Рѣша стар[ц]и: «мечамъ жраби на с(ы)ны и на дѣдери нашѣ, да изрѣжемъ б(о)гомъ нашимъ».

И бѣше нѣхто ч(е)л(овѣ)къ Б(ожи)и именемъ, Варягъ родомъ,

пришел бѣ ись Ц(е)сараграда [с] с(ы)номъ своимъ Ивановъ, сѣдѣше въ Киевѣ, дрѣжя вѣроу крѣстьяньскую.

И сего не трѣпѣше дьяволъ, власть бо имѣяше надъ всѣми, а се емоу бѣше яко оружие в с(ер)дци, не могли ему що створити, наоучи на нь люди.

И рѣша при(ше)дыше к нему послани: «паде жрѣби на с(ы)нь твои, възлюбиша бо б(о)зи наши, да его створимъ трѣбуоу б(о)гомъ нашимъ».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 08-01-00440а). Благодарю всех, принимавших участие в обсуждении этого текста, особенно А. М. Введенского, А. Ю. Виноградова, А. А. Гиппиуса, В. А. Кучкина, П. С. Стефановича, М. К. Юрасова; также благодарю за помощь и содействие в получении труднодоступных работ: Шт. Лера (Мюнстер, Германия), С. М. Михеева, А. Г. Плахонина (Киев), и за консультации: Д. Д. Ёлшина, Д. В. Каштанова, К. А. Михайлова, А. А. Турилова, Ф. Б. Успенского. Research for this article was supported in part by Central European University («CEU») Special and Extension Programs. The opinions expressed herein are the author's own and do not necessarily express the views of CEU.

9. И рече Варягъ: «не суть бо бози, но древо; день есть, а оутро изыгнееъ; не ядятъ бо, ни пинють, ни молвят, но суть дѣлани руками в деревѣ [секирою и ножемъ — НПЛ, Ип.]; а Богъ есть единъ, емуже служатъ Гръци и кланяются, иже створилъ небо и землю [и] звѣзды, и луну и солнце и человѣка, [и] далъ есть ему жити на земли; а си бози что сдѣлаша; а сами дѣлани суть. Не дам сына своего бѣсомъ».

10. Они же, шедше, повѣдаше людемъ; они же, взявше оружье, поидоша на нь и розъяша дворъ около его.

11. Онъ же стояше на сѣнхъ съ сыномъ своимъ, рѣша ему: «вдаи сына своего, да вдамы богомъ [его]».

12. Он же рече: «аще суть бози, то единого собе послють бога, да имуть сынъ мои; а вы чему претеребуετε (имъ — НПЛ, Ип.)?».

13. И [к]ликнуша, и посѣкоша сѣни подъ нима, и тако побиша я, и не свѣсть никтоже, гдѣ положиша я.

14. Бяху бо тогда человѣци невѣголови и погани; дьяволъ радовашеся сему, не вѣды, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тѣшашеся погубити род хрестья[н]скіи, но прогонимъ бѣше хрестомъ честнымъ и во онѣхъ странах; zde же мняше оканънии, яко «сдѣ ми есть жилище: сдѣ бо не суть апостоли оучили, ни пророци прорекли», не и вѣды пророка глаголюща: «и нарекъ не люди моя люди моя»; о апостолѣхъ бо рече: «во всю землю изидоша вѣщанья ихъ и в конецъ вселенныя глаголи ихъ». Аще и тѣломъ апостоли не суть не были, но оученья ихъ аки трубы гласять по вселенѣи въ церквахъ, имъже оученьемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающе под нози, якоже попраста и си ѿтѣника, приемше вѣненьѣ небесныи съ святыми мученики и с праведники¹.

Онъ же реч(е): «не суть б(о)зи, нѣ дрѣво истесано безд(у)шно, и по малѣ сгниеть, не ядѣтъ бо, ни пидѣтъ, ни мльвить; Бо(г) бо еди[н] есть на небесехъ, емоуже слоужѣтъ Гр(е)ци, въ имя Г(оспод)а И(су)са Х(рист)а крещ(е)на есѣ, ты бо створи небо и землю, а ваши бози что створишѣ, но сами вами сѣдѣлани суть, не дамъ бѣсомъ с(ы)на своего».

И ти шедше, повѣдашѣ людемъ, и въземше оружие, и придошѣ на нь.

И рѣшѣ: «даи с(ы)на твоего на трабѣцѣ б(ог)омъ».

Онъ же реч(е): «аще суть б(о)зи, то да придеть ед(и)нь от нихъ, да поиметь и с(ы)нь мо[и], а вы чему нудите мѣ?».

И кликнуша кѣа[н]и си, подьсѣкоша с нимъ сѣни, тоу сѣчена бѣста,

исповѣдаѣшеся крѣстьяна, приѣста вѣчную жизнь за с(вя)тую вѣроу моучена².

Текст Л приводится по варианту ПВЛ в составе Лавр., вопреки, казалось бы, очевидной необходимости ориентироваться в данном случае на НПЛ м., где сохранился текст

¹ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Стб. 82–83.

²Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.1.63) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 302–303.

предшествовавшего ПВЛ «Начального свода». Однако в варианте Л в НПЛ мл. есть явно поздние чтения, среди которых замена в Комиссионном списке местоимения «они» применительно к киевлянам на «онѣ народѣ» (в Академическом и Толстовском списках первой замены нет, зато второе «они» заменено на «народѣ люди многѣ») и уточнение о том, что киевляне, пришедшие на расправу с варягами, кричали «велимѣ гласомъ»³. Эти дополнения не несут существенной фактической информации, а то обстоятельство, что все они отсутствуют в П, склоняет к мысли о том, что их в изначальном варианте Л не было. Текст П приводится по изданию древнейшего списка (в составе Синайского палимпсеста, XIII в. (далее — СинП), в котором, к тому же, как будет показано ниже, сохранилось принципиально важное лучшее чтение⁴.

Сравнение обоих рассказов убедительно показывает, прежде всего, что они текстологически связаны: многие фразы повторяются буквально, существенных фактических различий нет. Такая текстологическая связь может быть объяснена, как известно, тремя способами:

а) первична летописная повесть (далее — Л), а проложное житие (далее — П) представляет собой ее позднейшую переработку;

б) первично проложное житие, а летописная повесть представляет собой его позднейшую переработку;

в) оба текста независимо друг от друга восходят к общему протографу.

Все эти точки зрения уже высказывались в историографии. Наиболее яркими их сторонниками можно признать: первой (а) — С. А. Бугославского и Б. М. Клосса, а в последнее время — также А. М. Введенского; второй (б) — А. А. Шахматова, третьей (в) — А. Н. Насонова⁵. Однако все эти исследователи не проводили полного и подробного сопоставления текстов, а ограничивались отдельными наблюдениями. А поскольку, как будет показано ниже, проблема весьма не проста и при «импрессионистическом» и субъективном подходе довольно легко могли быть найдены аргументы в пользу любой из точек зрения, вопрос остается открытым до сих пор. В качестве примера можно привести рассуждение С. А. Бугославского о том, что если упоминание имени младшего варяга (Иоанн) присутствует в поздних летописях, значит, именно из их протографа должна была попасть эта редакция рассказа в Пролог⁶. Но почему не наоборот (как, конечно, и было на самом деле)?

Опустим теперь незначительные разночтения орфографического и стилистического характера и последовательно, по пронумерованным выше фрагментам, суммируем разночтения, которые могут быть показательны в текстологическом отношении.

1. В П имеется дата убийства варягов-мучеников, в Л она отсутствует, как и весь вводный фрагмент.

2. В П князь Владимир Святославич упомянут с прозвищем «великий», и указывается, что он в момент происходивших событий был язычником; в Л говорится о том, что Владимир не только победил ятвягов, но захватил («взял») их землю.

3. В Л Владимир приносит жертвы с «людьми своими», в П — с боярами.

4. В Л бросить жребий предлагают бояре и старцы, в П — только старцы.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 130–131.

⁴ П сохранилось во многих списках и требует специального текстологического исследования. Здесь такая задача не ставится.

⁵ Бугославский С. Отчет о занятиях в библиотеках Москвы, С.-Петербурга и с. Поречья (гр. Уваровых) (Август-Октябрь 1912 г.) // Университетские известия. 1913. Г. 53. № 10. Октябрь; К[лосс] Б. М. Житие Федора Варяга и его сына // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003; Введенский А. М. Житие варягов-мучеников: летопись и пролог // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33) С. 13–14; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах // Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 26–27, 335–336 (Шахматов, правда, допускал возможность вторичного влияния Л на протограф П, с чем он, в частности, связывал отсутствие, как он считал, в П имени старшего варяга); Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 23–26.

⁶ Бугославский С. Отчет о занятиях в библиотеках Москвы, С.-Петербурга и с. Поречья. С. 18–19.

5. В Л указано местонахождение двора старшего варяга, в П такой информации нет; в П говорится о том, что он был «человек Божий именем», в Л этого сведения нет.

6. В Л содержится информация о том, что старший варяг придерживался христианства «втайне», а его сын был красив душой и телом; указывается, что именно на него пал жребий по дьявольскому наущению. В П всего этого нет, зато названо имя младшего варяга — Иван. В Л варяг приходит «из Грек», т. е. из Византийской империи, в П — из «Цесаряграда» (Константинополя).

7–8. Существенных разночтений нет.

9. В Л к сотворенным Богом небу и земле добавлены звезды, солнце, луна и человек; в П зато варяги говорят о том, что они крестились во имя Христово.

10. В Л дополнительно сообщается, что участники разрушили часть двора старшего варяга.

11. В Л есть уточнение о том, что варяг и его сын стояли на сених.

12. В Л старший варяг спрашивает у своих будущих убийц: «а вы чему претеребуете?», в П — «а вы чему нудите мя».

13. В Л сообщается о том, что место захоронения первых русских мучеников было неизвестно, в П этого уточнения нет.

14. Краткому известию о мученичестве варягов в Л соответствует пространное рассуждение богословского характера в П.

Попробуем последовательно рассмотреть эти разночтения.

Сразу следует отметить ряд лучших чтений П по сравнению с Л. Прежде всего, это имя старшего варяга, переданное по-славянски как «человек Божий», — очевидная *lectio difficilior* и отсутствие в конце пространного богословского рассуждения, которое в Л производит впечатление вставки (в П ему соответствует лишь замечание о том, что варяги исповедали себя христианами). Она характеризуется тем, что разрывает известие о гибели варягов и получении ими «небесного венца» (в П этого разрыва нет) и тем, что в ней имеется фраза «так о бо прежде тѣдасея погубити» (о дьяволе), повторяющая похожую по смыслу фразу во фрагменте 7. Никакого фактического содержания в этом рассуждении нет. Поэтому представляется более правильным считать, что она является поздним дополнением в Л, а в П отразился более ранний вариант текста. Относительно имен и даты Б. М. Клосс предположил, что такие «дополнительные детали — дата 12 июля и имя Иоанн — либо могли быть почерпнуты из церковных записей, либо вообще являются домыслом»⁷. Что касается идеи о «церковных записях», то она по существу прямо противоречит основной мысли Б. М. Клосса о вторичности П по сравнению с Л, поскольку такие «церковные записи» должны были представлять собой независимый от летописи древний источник. Если «домысел» имени младшего варяга и особенно даты, необходимой для церковного почитания, в принципе, можно допустить, то совершенно иначе обстоит дело с наличием в древнейшем списке П из СинП имени старшего варяга — «человек Божий именем». Это чтение древнейшего списка, во-первых, полностью подтверждает предположения тех ученых, которые усматривали в словосочетании «человек Божий» имя варяга-отца (А. А. Шахматов, А. В. Марков, С. Рожнецкий). Во-вторых, и для исследователей оно представляет собой определенную загадку. А. А. Шахматов, опираясь на упоминание в ряде списков проложного жития св. Владимира (далее — ЖВ) о крещении киевлян там, где позже возникла церковь «святую мученику Турова» (в других списках: «церковь Петрова», церковь «святую мученику Бориса и Глеба» или название церкви опущено), предположил, что она была посвящена варягам-мученикам и «называлась Туровой в честь старшего варяга» (она же впоследствии называлась «Туровой божницей»). Важнейшим аргументом для А. А. Шахматова (что часто игнорируется его критиками) было следующее место из ЖВ: «И отолѣ нарече ся мѣсто с(вя)тое, идеже и нынѣ ц(е)ркви есть с(вя)тою м(у)ч(е)никоу тоурова, и

⁷ К[лосс] Б. М. Житие Федора Варяга и его сына. С. 214.

тъи быс(тъ) прѣвыи ходатаи нашему сп(а)сению. Владимиръ же назрѣвъ на н(е)бо, помоли ся за кр(е)стьяны...»⁸. В более поздних вариантах ЖВ эта фраза «исправляется», и ходатаем оказывается св. Владимир⁹. В ранних же списках, как справедливо заметил А. А. Шахматов, если следовать буквальному смыслу, «под этим ходатаем надо разуместь Тура», но никак не Владимира, «ибо имя последнего, как видно из частицы “же”, поставленной после него, противопоставляется этому первому ходатаю нашего спасения». «Тур», по мнению А. А. Шахматова, — это скандинавское имя Туры (Turī). Именно с тем, что старший варяг носил нехристианское имя, и было связано, как считал он, «молчание источников» относительно него¹⁰. Последующие исследователи исходя из гипотезы А. А. Шахматова о связи имени старшего варяга с «Туровой божницей» предлагали свои варианты имени первого древнерусского христианского мученика. Харьковский ученый А. В. Марков отметил, что название церкви «Турова» (даже если исключить такие поздние, по его мнению, «искажения», как «Петрова» или «Бориса и Глеба») представлено в списках ЖВ в разных вариантах: «туоурова», «оутурова», «утурова», «уторова». Исходя из того, что в поздних списках, XVI—XVII в., жития варягов старший из них назван Феодором¹¹, исследователь предположил, что настоящее его имя было Тудор, церковь называлась изначально не «Туровой», а «Тудоровой», а все формы, представленные в списках, являются искаженными. Главным аргументом А. В. Маркова против А. А. Шахматова было, таким образом, то, что формы «утурова», «уторова» представляли собой, по его мнению, *lectiones difficiliores* по сравнению с «турова»¹². Свое решение проблемы предложил Станислав Рожнецкий, польский ученый, работавший в Дании. По его мнению, «такое в исторических источниках всегда правильно переданное слово, как Тудор» не могло быть столь «исковеркано» в проложном житии; кроме того, имя Тудор, как он отметил, «не имеет основания в древнескандинавской грамматике». С. Рожнецкий полагал (вслед за А. В. Марковым), что исходной формой была не «Турова», а «Уторова», именем старшего варяга было, как он считал, *Уторь, что соответствовало хорошо засвидетельствованному скандинавскому имени Óttarr. «Турова»

⁸ Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста. С. 305—306.

⁹ См. один из ранних примеров, список 1501 г.: РНБ. Соф. 1345. Л. 203 об. Попытки некоторых авторов объявить «первым ходатаем» все-таки князя Владимира совершенно несостоятельны. Например, А. Ю. Карпов пишет: «Что же касается чтения “...и ть бысть прѣвыи ходатаи нашему спасению” в тексте Жития (написание под титлом допускает прочтение как в единственном, так и в двойственном числе), то, на мой взгляд, оно, несомненно, имеет в виду самого святого Владимира...» (и далее ссылается как раз на один из поздних списков по изданию Н. Серебрянского) (Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 1997 (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 738). С. 386. Прим.). Во-первых, здесь полностью проигнорировано грамматическое строение всей фразы, во-вторых, неясен аргумент о титле: во многих списках действительно стоит БѢ, но двойственным числом эта форма быть никак не может (все остальные члены предложения стоят в ед. ч.); не говоря уже о том, что дв. ч. аориста от «быти» ничего не дает для признания Владимира «первым ходатаем».

¹⁰ Шахматов А. А. Как назывался первый русский святой мученик? // Известия Императорской Академии наук. VI серия. 1907. № 9. С. 261—264. А. А. Гиппиус (устное сообщение) устраняет это весьма неудобное для сторонников первичности Л обстоятельство указанием на близость данного фрагмента ЖВ к следующей фразе из начальной летописи: «Володимеръ же радъ бывъ, яко позна Б(ог)а самъ и людѣ его. Възрѣвъ на н(ѣ)бо, [рече]...» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 118). По мнению ученого, в ЖВ читается искаженный, вторичный текст, получившийся в результате включения в него летописного фрагмента. Однако с этим объяснением нельзя согласиться. Текстуальная связь действительно несомненна, но в летописи нет ни слова о Туровой божнице, и «ходатаем» Владимир все равно не становится. Более того, допустим, что автор жития заимствовал этот отрывок из ПВЛ или предшествовавшего ему летописного свода (вполне вероятно, так оно и было). При этом он делал это отнюдь не механически и даже выпустил целую фразу («яко позна...»). В то же время оказывается, что он забыл изменить весь фрагмент (что регулярно делали поздние переписчики) таким образом, чтобы ходатаем оказался Владимир, а не Тур/Туры. В результате у него получился текст, вполне логичный по форме и (как мы увидим ниже) вполне поддающийся адекватной содержательной интерпретации, одновременно обладающий свойством *lectio difficilior*. Можно ли, тем не менее, предполагать, что в нем имела место поздняя правка, а в (несуществующем) оригинале «ходатаем» был св. Владимир? Это было бы очевидной трактовкой *ad hoc*: текстуальная история ЖВ говорит совершенно о другом — именно в поздних текстах «ходатаем» логично для поздних книжников становится креститель Руси.

¹¹ См. об этом: Милотенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 145.

¹² Марков А. В. Как звали первых святых мучеников на Руси // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1909. Т. XVIII. С. 437.

церковь тоже изначально была «Уторовой», переход в «Турову» совершился как «естественная народная этимология»¹³.

Основным минусом всех приведенных выше версий было то, что они не учитывали чтения древнейшего списка жития варягов-мучеников в СинП — «человек Божий именем», что сразу же вызывает мысль о калькировании иноязычного антропонима. На это обстоятельство обратил внимание А. А. Турилов¹⁴. Правда, А. А. Турилов считал, что слово «именем» — уникальное чтение СинП, а в «русских списках» оно «отсутствует»¹⁵. Н. И. Милютенко утверждает, что это «чтение есть почти во всех списках Пролога 2-й редакции, куда входит этот текст, а не только в древнейшем фрагменте, скопированном в Синайский палимпсест»¹⁶. На самом деле, во многих относительно ранних (XV — первой половины XVI в.) русских списках Пролога, где есть житие варягов, слово «именем» как раз отсутствует¹⁷. Однако оно читается в одном из самых старших среди них — в пергаменном Спасо-Прилуцком прологе конца XIV — первой половины XV в. (далее — СПП)¹⁸: «Бѣше нѣкто ч[е]л[о]в[ѣ]къ Б[о]жии именемъ варѣгъ»¹⁹. Тем самым отпадает возможное (хотя и маловероятное) предположение о том, что перед нами индивидуальная ошибка одного из списков. Так, свидетельство безусловно русского СПП полностью дезавуирует предположение А. М. Введенского о том, что «слово “именемъ” в тексте Пролога появилось под пером южнославянского переписчика»²⁰. Допустить, что в двух древнейших списках независимо друг от друга ошибочно появилось слово «именем», невозможно. С другой стороны, как мы видим, в списке СПбДА нет слова «родом» (тогда как во множестве других русских списков отсутствует слово «именем»). Данная ситуация может объясняться, полагаю, только тем, что позднейшие переписчики, не понимая, что «человек Божий» представляет собой имя, по-разному осмыслили текст, делая его более «логичным». При переделке полной фразы «человек Божий именем, варяг родом» получалось либо «человек Божий именем варяг» (этот вариант остался маргинальным, видимо, потому что «варяг» не очень подходил для имени, особенно христианского мученика), либо «человек Божий, варяг родом» (что стало основной версией). Другое объяснение взаимосвязи этих чтений вряд ли возможно.

С другой стороны, догадка Н. И. Милютенко о том, что «первоначально в тексте было только христианское имя сына, а для имени отца был оставлен пропуск, который так и не был заполнен»²¹, даже если ее принять, что, как будет показано ниже, не обязательно, безусловно,

¹³ Рожнецкий Ст. Как назывался первый русский святой мученик? // ИОРЯС. 1914 г. Пг., 1915. Т. XIX. Кн. 4. С. 95–97.

¹⁴ Турилов А. А. «Человек божий именем» (Об имени старшего варяга-мученика) // Восточная Европа в древности и Средневековье. Язычество, христианство, церковь. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва. 20–22 февраля 1995 г. Тезисы докладов. М., 1995. С. 83–84.

¹⁵ Там же. С. 84.

¹⁶ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. С. 146.

¹⁷ См., например: ГИМ. Усп. 3. Л. 185, РНБ. Пог. 602. Л. 322 об., Пог. 603. Л. 424, Пог. 615. Л. 316 об., Пог. 620. Л. 172, Пог. 624. Л. 316, Соф. 1345. Л. 199, Соф. 1352. Л. 171 об., Сол. 705/813. Л. 281.

¹⁸ На основании палеографических данных Д. И. Абрамович датирует рукопись второй половиной XIV в. (Абрамович Д. И. О Спасо-Прилуцком Прологе С.-Петербургской духовной Академии // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского при участии их учеников по случаю 60-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. 282). Этот список имеет «особенный научный интерес и значение», представляя собой «единственный в России полный список окончательной домакарьевской редакции» Пролога (Там же. С. 288), следовательно, его чтения могут отражать очень раннюю традицию. Список, безусловно, русский и, возможно, новгородский (имеется мена «ц» и «ч», «ѣ» и «и»; см.: Там же. С. 283). Также несомненно русским считала этот список и Л. П. Жуковская, отмечая на основании множества критериев, что он «представляет собой рукопись отличного, совершенно русского письма XIV в.» без «специфических старославянизмов и южнославянизмов», а также «грецизации в графике» (Жуковская Л. П. Древнерусский Спасо-Прилуцкий Пролог II редакции // Записки Отдела рукописей. М., 2008. Вып. 53. С. 552).

¹⁹ РНБ. СПбДА. А-1/264. Т. II. Л. 186. Ср.: Турилов А. А. «Человек божий именем». С. 83.

²⁰ Введенский А. М. Житие варягов-мучеников: летопись и пролог. С. 14. Жития Владимира, Ольги и варяжских мучеников из СинП переписаны южнославянским копиистом с русского оригинала, что не вызывает сомнений ни у российских, ни у болгарских исследователей (см.: Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, Варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста. С. 292; Павлова Р. Восточнославянские святые в южнославянской письменности XIII–XIV в. Halle (Saale), 2008. С. 36–37, 284–285).

²¹ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. С. 146.

свидетельствует в пользу первичности чтения с таким пропуском (ср. возможный аналог в статье ПВЛ о Феодосии Печерском).

На основании этой фразы А. А. Турилов выдвинул гипотезу о том, что старшего варяга могли звать греческим именем «Феандр» (Θέανδρος), т. е. буквально «человек Божий». Именно такое имя, по мысли историка, могло в поздних списках превратиться в «Феодор», благодаря сходству написания²². «Греческий след», в принципе, возможен, поскольку в П говорится о том, что старший варяг пришел из «Цесаряграда» (Константинополя), где, очевидно, и принял крещение. Достоинством такого объяснения является то, что оно отражает калькирование, но недостатки, как представляется, явно преобладают. Древнегреческое имя Θέανδρος действительно существовало (например, оно зафиксировано на монете IV в. до Р. Х. из Милета в Малой Азии²³, схолиях к Пиндару и одной южноаравийской надписи, где реконструируется в форме Θεάνδριος²⁴). Однако А. А. Турилов сам отмечает «отсутствие реконструируемого имени в православном славянском ономастиконе». Кроме того, непонятно, как из Феандра мог получиться Феодор, если первого имени в реальных текстах не было, а там был представлен «человек Божий именем». Предположение же о том, что в каком-то древнем списке все-таки был Феандр и только потом он превратился в «человека Божьего», было бы чистейшей интерпретацией *ad hoc*. «Греческий след» вообще, на мой взгляд, существенно уступает «скандинавскому» уже на том, указанном исследователями начала XX в. основании, что калькирование или «перевод» иноязычного имени на славянский имел смысл только в том случае, если с настоящим именем было что-то «не так»: скорее всего, оно было очевидно нехристианским и требующим эвфемистического толкования. Приводимые же А. А. Туриловым примеры калькирования греческих имен дают в результате все-таки имена: Вера, Надежда, Любовь, Разумник, Победа, Честна. «Человек Божий» же вряд ли мог восприниматься как имя, это, скорее, именно толкование, «перевод» иноязычного имени, оказавшегося по каким-то причинам недостаточно подходящим для точной передачи. Наконец (и это, на мой взгляд, самое главное), греческая версия игнорирует вывод А. А. Шахматова о связи имени старшего варяга с названием киевской церкви «святую мученику», о чем говорилось выше; т. е. она не может удовлетворительно объяснить всю совокупность имеющихся на сегодняшний день фактов.

Недавно А. В. Назаренко выдвинул гипотезу, которая призвана опровергнуть именно это звено концепции А. А. Шахматова. По его мнению, древним чтением должно считаться не церковь «святую мученику Турова», а церковь «Петрова». Если бы А. В. Назаренко был прав, это имело бы существенное значение для нашей темы: поиск имени варяжского «человека Божьего» не связывался бы теперь с именами типа «Тур» и «Турь». Историк приводит четыре контрдовода в противовес построению А. А. Шахматова. Во-первых, во фразе ЖВ «между „святую мученику“ (dualis) и „тъ бысть ходатаи“ (singularis) обнаруживается грамматический сбой: следовало бы ожидать „та быста“ или по крайней мере „ти быша“». Во-вторых, маловероятно освящение «Туровой божницы» в честь варягов-мучеников (храмы в их честь на Руси неизвестны, епископ Симон в своем послании не называет имен варягов, т. к. они ему неизвестны). В-третьих, «выражение „църкы святую мученику“ для древнерусского читателя» ассоциировалось только с церковью свв. Бориса и Глеба. В-четвертых, «чтение „църкы ... Петрова“ присутствует в о в с е х

²² Аналогичное развитие, но для имени младшего варяга, предполагает В. Г. Пуцко: по его мнению, исходным вариантом в П было «Ян», а имя «Иоанн» появилось уже на этапе переработки (Poutsko B. C. Les martyrs varègues de Kiev (983) // *Analecta bollandiana*. 1983. Т. 101. Fasc. 3/4. Р. 374–375). Эта идея, однако, абсолютно произвольна: уже в древнейшем списке стоит «Иоанн». Кроме того, христианские имена у скандинавов начинают появляться только с начала XI в., одним из первых носителей имени «Иоанн» (Jōn) был епископ Йон Огмундарссон, родившийся около 1000 г. Поэтому, если имя младшего варяга достоверно, это должно было быть крестильное имя «Иоанн», которое он именно в этой форме получил в Византии, и возводить его к гипотетическому «Яну» нет никаких оснований.

²³ См.: <http://rjohara.net/coins/apollo-lion-rhodian/>.

²⁴ Информация А. Ю. Виноградова.

древнейших списках»²⁵ (в более поздней работе А. В. Назаренко еще более четко артикулирует этот тезис: «...во в с е х (даже не в большинстве!) древнейших списках... видим как раз вариант “Петрова”»²⁶). Однако все эти доводы могут быть отведены. «Грамматический сбой» во фразе «...идеже и нынѣ ц(е)ркви есть с(вя)тоу м(у)ч(е)никоу тоурова, и тѣи быс(ть) прѣвыи ходатаи нашему сп(а)сению» вряд ли обнаруживается: текст надо, видимо, понимать так, что церковь, освященная в честь святых мучеников, называлась «Туровой», вероятно, в честь варяга, который и был «первым ходатаем нашего спасения». Двойственного или множественного числа здесь не нужно, так как «и тѣи бысть» относится к «Туру/Туры», но не к «святых мученикам». Такое, как бы двойное, наименование (посвящение?) церкви, действительно, представляет собой загадку, и А. В. Назаренко, разумеется, прав, когда он утверждает, что в ЖВ церковь не могла быть названа по языческим именам святых. Но «Турова божница» — это, конечно, не официальное посвящение, а название церкви, как писал еще митрополит Макарий (Булгаков), «в просторечии»²⁷. Каким образом возникло такое название, была ли Турова божница действительно как-то связана с варягами-мучениками — отдельные вопросы. Для нас существенно, что в исторической памяти такая связь определенно существовала, а «первого ходатая нашего спасения» звали Туром или каким-то схожим по звучанию именем.

Н. И. Милютенко сомневается в том, что выражение «прѣвыи ходатаи нашему сп(а)сению» могло относиться к старшему варягу, так как «первой известной христианкой была св. Ольга»²⁸. Это так с нашей точки зрения, но в древности могло считаться иначе. Об этом свидетельствует упоминавшееся выше послание епископа владимирского Симона иноку Поликарпу в составе Киево-Печерского патерика. Там он говорит о погибшем мученической смертью ростовском епископе Леонтии, что тот «третий гражданин небесный бысть Рускаго мира, со онѣма варягома вѣнчався от Христа, егоже ради убѣен бысть»²⁹. Епископ Симон, разумеется, прекрасно знал, что Ольга преставилась до мученической кончины свв. варягов, но первыми двумя «небесными гражданами» считал именно их. В чем тут было дело, во времени или характере прославления (под «ходатаями спасения», возможно, подразумевались не просто христиане или даже святые, но мученики) — отдельный вопрос. Для нас существенно прямое указание на то, что в Древней Руси первыми ходатаями/гражданами небесного мира могли считаться именно варяги-мученики. Еще одно свидетельство того же рода обнаруживается в Летописце Переяславля Суздальского (далее — ЛПС), а именно в статье под 983 г., где рассказывается о гибели варягов и при этом прямо говорится, что они «прѣвыи въ Руси вѣнца приаша н(е)б(е)сныя»³⁰. Эта статья представляет собой позднюю переработку Л, датировать которую довольно сложно; разные ученые датируют

²⁵ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX—XII веков. М., 2001. С. 382—384.

²⁶ Назаренко А. В. Был ли крещен киевский князь Ярополк Святославич или кое-что об «исторической реальности» // Византийский временник. 2006. Т. 65 (90). С. 72. См. также: Карпов А. Ю. Владимир Святой. С. 386. Прим.

²⁷ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1995. Кн. II. История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988—1240). С. 38. П. П. Толочко отождествляет «Турову божницу» с церковью свв. Бориса и Глеба на Подоле (см.: Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 84), другой киевский археолог М. А. Сагайдак дает даже более точную локализацию — современная ул. Борисоглебская, 11 (Сагайдак М. А. Давньокиївський Поділ. Проблеми топографії, стратиграфії, хронології. Київ, 1991. С. 26). Если эта локализация верна, то это объясняет контаминацию Бориса и Глеба с «Туром» в ряде списков П не просто литературной инерцией, но знанием реального посвящения Туровой божницы. Возможна, например, такая ситуация: на месте, которое в киевской устной традиции каким-то образом было связано с памятью о первых христианских мучениках, впоследствии был воздвигнут храм, освященный в честь первых русских святых-страстотерпцев, известных по имени, что представляется вполне естественным. Однако в раннее время все знали его по «неофициальному» названию — как Турову божницу. Впрочем, некоторые историки локализуют Турову божницу в верхнем Киеве (см.: Poutsko B. G. Les martyrs varègues de Kiev (983). Р. 379—383; Толочко О. Замітки з історичної топографії домонгольського Києва // Київська старовина. 2000. № 5. С. 159).

²⁸ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. С. 264.

²⁹ Древнерусские патерики / Изд. подг. Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников. М., 1999. С. 21.

³⁰ ПСРЛ. М., 1995. Т. XLI. С. 23.

первую часть ЛПС, в которой читается эта статья, по-разному, от XIII до первой половины XIV в.³¹ В любом случае, у нас есть свидетельство об устойчивом характере представлений о варягах как о первых жителях Руси, увенчанных небесными венцами.

То обстоятельство, что для «древнерусского читателя» святые мученики в *dualis* — это, прежде всего, свв. Борис и Глеб, совершенно неоспоримо и даже, как справедливо отмечает А. В. Назаренко, подкрепляется наблюдениями над списками ЖВ, где соответствующие чтения действительно появляются: церковь святую мученику Бориса и Глеба и даже церковь святую мученику Бориса и Глеба Турова. Но это (особенно второе чтение) — как раз сильнейшее подтверждение древности варианта «церковь... Турова», на основании принципа *lectio difficilior* (исправление «Турова» в «Бориса и Глеба» каким-нибудь «древнерусским читателем» совершенно оправданно по причинам, ясно сформулированным А. В. Назаренко, обратная же ситуация трудно представима³²). Что касается епископа Симона, то он либо не знал имени старшего варяга (а оно вообще не было известно в русской традиции; ни в П, ни в Л имени как такового не было), либо не считал возможным упомянуть имя не только нехристианское, но еще и неясное по происхождению. По тем же причинам, что и «церковь... Бориса и Глеба», «церковь Петрова» хуже, чем «церковь... Турова» (последнее — *lectio difficilior*), даже вне зависимости от хронологии списков. Но и аргумент относительно чтения «церковь Петрова» «во всех древнейших списках» не соответствует действительности: чтение «церковь... Турова» присутствует в старшем списке — именно в том же СинП XIII в., в котором сохранилось и житие варягов с явно лучшим чтением «человек Божий именем». Это же чтение — и в СПП, где, кстати, как отмечалось выше, сохранилось и верное чтение «именем» в житии варягов: «...ідеже нынѣ ц[е]рковь с[вя]тую муч[е]н[и]ка Турова, и тѣ бы[сть] первыи ходатаи нашему сп[а]с[е]нию»³³. Самый ранний список, в котором встречается чтение «церкы... Петрова»³⁴, датируется сейчас серединой XIV в. Вторичность чтения «Петрова» очевидна еще и потому, что в списках оно может присутствовать в варианте «святою мученику Петрова»³⁵ — явное свидетельство искажения изначального «Турова» (сначала непонятное «Турова» меняется на созвучное и понятное «Петрова», а потом выбрасывается не подходящее сюда двойственное число; обратное развитие представить себе невозможно). Действия позднейших переписчиков, таким образом, проясняются: они явно испытывали неудобство с этими двумя мучениками, которых так хотелось прямо назвать Борисом и Глебом (а то и превратить в кого-нибудь одного, в Петра или даже Федора Тирона³⁶), с церковью с непонятным названием, с

³¹ См.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. IV. С. 18; Орлов А. С. О Галицко-Волынском летописании // ТОДРЛ. Л., 1947. Т. V. С. 32; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. XI–XIV в. М., 1972. С. 110–114.

³² Ср. предположение не учитывающей этого обстоятельства Н. И. Милютенко о посвящении Туровой божницы свв. Борису и Глебу (Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. С. 146, 262). Другая гипотеза исследовательницы (повторяющая предположение П. П. Толочко; см.: Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. Київ, 1972. С. 163) — о происхождении названия Туровой божницы от г. Турова — также представлена в рукописной традиции: «Тоуровѣ», «в Тороуве» и даже «Петрова в Туровѣ» (Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 15 2-й пагинации, варианты). Проблема, однако, в том, что все это *lectiones faciliores*, противоречащие древнейшей традиции, отразившейся в СинП. Трактовать же форму «церковь с(вя)тою м(у)ч(е)никоу тоурова» как церковь святых мучеников туровскую нельзя по грамматическим соображениям: от основы «Тоуровъ» никак не могло получиться притяжательное прилагательное ж. р. «тоурова» (см.: Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 2007 (4-е изд.). С. 158–161; Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2006 (3-е изд.). С. 225–227). См. также справедливые замечания А. П. Толочко: Толочко О. Замітки з історичної топографії домонгольського Києва. С. 158, 162–163. Прим.

³³ РНБ. СПбДА. А-І/264. Т. II. Л. 195 об.

³⁴ РНБ. Ф.п.1.47. ЖВ по этому списку опубликовано: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 2. XI–XII века. С. 402, 404 (здесь интересное нас чтение).

³⁵ Так в РНБ. Пог. 602. Л. 329 (список кон. XV — нач. XVI в.), см. также: Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. С. 15, 2-я пагинация.

³⁶ См. чтение «Тирона» вместо «Турова» в РНБ. Пог. 624. Л. 322 об.

«ходатаем нашего спасения», которым хорошо было бы объявить Владимира, но исходный текст этому противоречил... И выходили из положения.

Какое скандинавское имя мог носить старший варяг-мученик, определенно сказать сложно. Все три высказанные гипотезы, о которых говорилось выше, имеют существенные недостатки. Самой неудачной следует признать интерпретацию А. В. Маркова, которую справедливо раскритиковал С. Рожнецкий. Действительно, имя «Тудор», во-первых, очевидно, не является скандинавским и обычно рассматривается как вариант христианского имени «Федор»³⁷; во-вторых, в проложном житии вариант «Тудорова божница» неизвестен; в-третьих, трудно объяснима замена такого гипотетического варианта на «Турову божницу»: имя «Тудор» было известно на Руси, тогда как вопрос о том, кто такой (что такое) «Тур», вызывает затруднения и у современных исследователей. Имя Óttarr, к которому возводил название Туровой божницы сам С. Рожнецкий, этимологически, по-видимому, связано со словом ótti («страх, ужас») и во всяком случае не имеет отношения к каким-либо богам, следовательно, эта интерпретация не объясняет один из важнейших аспектов проблемы. Эта задача решена в гипотезе А. А. Шахматова, однако с именем Þúg, из которого, по мнению ученого, произошел древнерусский «Тур», возникают серьезные сложности. Древнескандинавское имя Þúg существовало, но оно было женским³⁸ (впрочем, в рунах встречается Þúg как мужское имя³⁹, но это другое написание имени Þógr, см. ниже). В. Томсен в свое время выводил «Тур» из формы вин. п. имени Þúgr, однако и такое имя в источниках, по-видимому, не зафиксировано. Весьма распространенным было имя Þúdr, но оно также было женским⁴⁰. Предлагавшееся А. Стендер-Петерсоном имя Þógr⁴¹ тоже, видимо, не фиксируется в древнескандинавском именослове. Между тем в более ранней работе С. Рожнецкий предположил, что наименование Туровой божницы может быть связано с другим скандинавским именем — Þógr (Тор)⁴² (от этого предположения ученый впоследствии совершенно напрасно, как кажется, отрекся в пользу «Уторовой божницы»⁴³). Возможность превращения изначальной «Торовой божницы» в «Турову» на древнерусской почве не вызывает сомнений (см., например, имя «Турьберн» в договоре Игоря с Византией в ПВЛ — из древнескандинавского Torbiörn/Thorbjörn⁴⁴), тем более что вариант «Торова» в списках ЖВ имеется⁴⁵. Нет, однако, никаких оснований видеть вслед за С. Рожнецким в «Торовой/Туровой божнице» первоначальное капище скандинавского языческого бога Тора⁴⁶. В древнескандинавском существовало, во-первых, личное имя Þógr, омонимичное с теонимом, во-вторых, формант «Þor-» был вообще весьма продуктивен при образовании имен. Среди них можно отметить, например, имя Þógr, из которого некоторые исследователи выводят имя легендарного основателя Турова в начальном летописании — Туры⁴⁷. Весьма интересно, что это имя

³⁷ См.: Типиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004. С. 404; Korpela J. Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach. Juväskylä, 1995 (Studia historica Juväskylänsia. 54). S. 218.

³⁸ Norsk-Islandska dopnann ock fingerade namn från medeltiden / saml. ock utg. av E.H. Lind. Uppsala, 1914. H. VIII. Col. 1229 (далее — Lind).

³⁹ Peterson L. Nordiskt runnamnslexikon (http://www.sofi.se/servlet/GetDoc?meta_id=1472). S. 210.

⁴⁰ Lind. Col. 1226–1229.

⁴¹ Stender-Petersen Ad. Varangica. Aarhus, 1953. P. 142, 144.

⁴² Rożniecki S. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie // Archiv für slavische Philologie. 1901. Bd. 23. S. 475.

⁴³ Рожнецкий Ст. Как назывался первый русский святой мученик? С. 98. Прим.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 47. См. другие примеры: Korpela J. Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomach. S. 218.

⁴⁵ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. С. 15 2-й пагинации, варианты.

⁴⁶ См.: Rożniecki S. Perun und Thor. Ein Beitrag zur Quellenkritik der russischen Mythologie. S. 475–477.

⁴⁷ См.: Lind. Col. 1206–1207 (Þógr), 1180–1182 (Þógr); Peterson L. Nordiskt runnamnslexikon. S. 213 (Þógr?) 210 (Þógr, Þúgr). По мнению Ф. Андрощука, название Туровой божницы происходит от некоего Туры, скандинавским именем которого было Þógr; правда, со старшим варягом этого Туры он не отождествляет (Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // Ruthenica. 2004. Т. III. С. 19).

большинством современных ученых выводится из композита **Punra-wīthaR* со значением «жрец Тора»⁴⁸ — также вполне подходящая основа для эвфемистического переосмысления. Основания для такого явления были. Хотя в отличие от Водана (Одина), который, скажем, в англосаксонской Англии мог прямо отождествляться с Христом, относительно Тора таких сведений нет, существуют некоторые данные, позволяющие подозревать определенные проявления синкретизма его культа и христианского символизма (эпитеты типа «громовержец» применительно к христианскому Богу в хартиях англосаксонских королей или изображения на Госфортском кресте в Камбрии одновременно Распятия Христа и попытки Тора поймать Мирового Змея)⁴⁹. Более того, как отмечает Р. Зимек, в позднесаксонское время почитание Тора только усиливается — очевидно, в противопоставление христианскому культу. Что еще более важно, то же самое было характерно и для *имянаречения*: «поток личных имен, восходящих к Тору, мог иметь схожие причины». Этот поток характерен именно для эпохи викингов, до нее в рунических надписях подобные имена не фиксируются⁵⁰. В одном древнесаксонском исповедании веры (конец VIII в.) крещаемому предлагается отречься от трех языческих богов: Тора, Водана (Одина) и некоего Сакснота, и уверовать в Бога, всемогущего Отца, Христа, Сына Божьего, и Святого Духа. Нетрудно заметить, что христианская Троица и языческое «троебожие» находятся здесь в определенной параллели, причем Тор упоминается первым. Рут М. Каррас вполне резонно полагает, что «прямая замена трех языческих богов, отвергнутых в качестве демонов в крещальном исповедании веры христианской Троицей, могло привести саксов к восприятию двух групп божеств как схожих по природе (если не по действительности)»⁵¹. Разумеется, в условиях острого противостояния между христианством и язычеством как в Скандинавии, так и на Руси, имя принявшего христианство викинга могло получить переосмысление.

Иными словами, если старшего варяга звали «Тор» («жрец Тора») или его имя было очень близко по звучанию к «Тору», его, с одной стороны, вполне могли эвфемистически называть «человеком Божьим именем», с другой — (в христианском тексте) само это имя скрывать.

Что касается имени младшего варяга и даты, то сами по себе они могут быть поздними добавлениями, появившимися уже в Прологе. Дата, необходимая для церковного почитания, подозрительным образом приходится на июль, так же, как и другие древние проложные памяти: св. Ольги и Владимира. Впрочем, существует и независимое (правда, косвенное) подтверждение ее достоверности. Как заметил А. А. Шахматов, она находится в ряду других известных нам дат X — первой половины XI в., которые «все относятся к событиям церковным»⁵².

В пользу предположения о позднем появлении имени «Иоанн» вроде бы свидетельствует чисто логическое соображение: сложно представить себе, что в более позднем тексте имя первого русского мученика было выброшено. Однако против этого говорит отсутствие в П имени старшего варяга: почему, домысливая имя отрока, не домыслили имя главного героя? То обстоятельство, что отец и сын носили соответственно языческое и христианское имена, не должно смущать:

⁴⁸ Peterson L. Nordiskt runnamnslexikon. S. 210.

⁴⁹ Chaney W. A. Paganism to Chistianity in Anglo-Saxon England // The Harvard Theological Review. 1960, July. Vol. 53. № 3. P. 202–205.

⁵⁰ Simek R. Lexikon der germanischen Mythologie. Stuttgart, 2006 (3, völlig überarbeitete Auflage) (Kröners Taschenausgabe. Bd. 368). S. 420.

⁵¹ Karras R. M. Pagan Survivals and Syncretism in the Conversion of Saxony // The Catholic Historical Review. 1986, Oct. Vol. 72. № 4. P. 567–568.

⁵² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 26–27. Предположение А. А. Шахматова о том, что дата вокняжения Владимира из «Памяти и похвалы» — 11 июня 6486 (978) г. — рассчитана на основе известной из нелетописного источника даты убийства варягов-мучеников (Там же. С. 27), было бы сильнейшим свидетельством в пользу первичности П, если бы не его искусственность: исследователь в своей реконструкции «Древнейшего свода» неправомерно отрывает известие о походе Владимира на ятвягов от рассказа о варягах-мучениках; в «Древнейшем своде» этот рассказ был якобы помещен «непосредственно за известием о вступлении Владимира на стол» (Там же. С. 27, 335–336, 401–402). Как показывает П, сообщения о походе на ятвягов и гибели варягов-мучеников представляли собой органическое единство.

такая ситуация была обычной во время перехода от господства язычества к христианству. Например, лидеры языческих восстаний в Венгрии XI в., предавшие себя демонам (*demoniis*) по терминологии источника, — также отец и сын — носили имена Вата (*Vatha*) и Янош (*Ianus*)⁵³, что представляет собой близкую аналогию к нашему случаю (Янош — венгерский вариант имени «Иоанн»). Однако погибшие в 983 г. в Киеве варяги стали христианскими мучениками, и, естественно, с языческим именем старшего из них возникли проблемы (вероятно, полученное им в крещении христианское имя не было известно). Таким образом, наличие в П имени младшего варяга само по себе не может служить критерием первичности или вторичности П (в отличие от чтения «человек Божий именем»).

Безусловно, предположение о скандинавском имени старшего варяга — Тор/Торир — лишь гипотеза, наилучшим, на мой взгляд, образом объясняющая имеющиеся факты; не исключены полностью и другие варианты (в том числе и греческий «след»), но само запутанное положение с именем, несомненно, свидетельствует о том, что перед нами ранняя деталь: представить себе, как позднейший редактор текста о варягах-мучениках исключил из него непонятного «человека Божьего именем», можно, обратную ситуацию — невозможно. Эти факты убедительно подтверждают точку зрения, высказанную еще А. А. Шахматовым, о том, что «рассказ этот составлен не летописцем»⁵⁴. Предположение а) о первичности Л по сравнению с П можно, таким образом, исключить. Ответ на вопрос о том, какая интерпретация справедлива, б) (А. А. Шахматов) или в) (А. Н. Насонов), зависит от анализа других, менее очевидных разночтений между П и Л.

Прозвище «великий» и уточнение о приверженности Владимира язычеству в П кажутся поздними деталями: в ранних памятниках, где упоминается и даже воспевается Владимир Святославич («Память и похвала Владимиру», «Слово о законе и благодати», начальное летописание), такой эпитет к нему не применяется. По обоснованному предположению польского историка Анджея Поппе, «прилагательное “великий” появляется перед именами умерших князей в выражениях, эквивалентных выражениям, содержащим слово μέγας, применявшихся к умершему византийскому императору». Самое раннее такое упоминание применительно к Владимиру Святославичу — в известии Ип. о вокняжении Юрия Долгорукого в Киеве в 1149 г.: «Начало княжения в Киевѣ князя великаго Дюргя сына Володимира Мономаха, внука Всеволожа, правнука Ярослава, пращюра великаго Володимира, хрестившаго всю землю Рускою»⁵⁵. А. Поппе заметил также, что эпитет «великий» к русским князьям применялся в летописях, как правило, в тех случаях, когда его носителя надо было отличить от тезки, либо жившего позже, либо обладавшего более низким статусом. Однако в случае с Владимиром Святославичем «панегирический» эпитет «великий» играет, прежде всего, другую роль: он украшает имя крестителя Руси в контексте сопоставления его с римским императором Константином Великим, пример чего имеется уже в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона (хотя там Владимир и не называется «великим») ⁵⁶. Если говорить формально, в принципе вполне возможно допустить использование этого эпитета применительно к будущему крестителю Руси и в XI в. (не позже этого столетия, отмечу, забегая вперед, следует датировать первоначальный рассказ о варягах-мучениках): уже под 1030 г. в ПВЛ упоминается польский правитель «Болеславъ Великий»⁵⁷.

А. Поппе⁵⁸ полагает также, что эпитетом, относящимся к имени князя, является слово μέγας,

⁵³ *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / praef. est, textum rec., ann. instruxit A. Domanovszky // Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / ed. E. Szentpétery (далее — SRH). Budapestini, 1937. Vol. I. P. 338. В Житии св. Герхарда-Геллерта (т. н. *Legenda maior*) имя отца — Баха (*Bacha*) (SRH. Budapestini, 1938. Vol. II. P. 501).*

⁵⁴ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 110.

⁵⁵ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. Стб. 383–384.

⁵⁶ *Poppe A. Words that serve the Authority. On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // Acta Poloniae Historica. Wrocław etc., 1989. Vol. 60. P. 172–175.*

⁵⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 149. См. об этом: *Poppe A. Words that serve the Authority. On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus'.* P. 173.

⁵⁸ *Poppe A. Words that serve the Authority. On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus'.* P. 179.

читающееся в надписи на княжеской печати, найденной в 1947 г. в с. Белгородке под Киевом: Μεστίσθλάβος μέγας ἄρχων Ρωσίας («Мстислав великий архонт Руси»)⁵⁹. В. Л. Янин считает упоминающегося здесь Мстислава — Мстиславом, внуком Игоря Ярославича, действовавшим в начале XII в., но не исключает других вариантов: Мстислава Изяславича (сына киевского князя Изяслава Ярославича, ум. в 1069 г.) и Мстислава Святополчича (сына киевского князя Святополка Изяславича, ум. в 1097 г.). Атрибуция строится на основе отождествления изображения святого на печати со св. Андреем, у других домонгольских Мстиславов патрональные святые были другие⁶⁰. Впрочем, предположение о том, что князь при жизни мог называть себя «великим», кажется странным, тем более что есть возможность понимать фразу иначе — относя эпитет μέγας к «архонту», и тогда получается хорошо известный по древнерусским источникам начиная с договоров Руси с Византией «великий князь». Такая интерпретация собственно и предложена в публикации⁶¹. А. Поппе исходит из того, что Мстислав как князь-изгой мог «использовать этот эпитет, чтобы компенсировать свое положение, к тому же он — правнук Ярослава Мудрого — был в то время старшим среди русских князей, носивших имя Мстислав⁶². Такое объяснение кажется несколько натянутым, тем более что, как показывают исследования византийской сфрагистики, на печатях, в том числе императорских, совсем не обязательно изображались соименные патрональные святые⁶³. В этом случае белгородскую печать вполне логично можно было бы атрибутировать киевскому князю Мстиславу Владимировичу (1125—1132 г.). Так или иначе, теоретически исключать возможность употребления эпитета «великий» с именем князя во второй половине XI — начале XII в. исключать нельзя.

И все же гораздо сложнее помыслить исключение этого эпитета более поздними редакторами, хотя, в принципе, возможно и такое (например, по тем соображениям, что летописцу могло казаться неуместным присвоение Владимиру такого эпитета в контексте целой серии рассказов о его «безобразиях» в то время, когда он был язычником: братоубийство, многоженство, организация человеческих жертвоприношений, идолослужение). Однако, принимая во внимание два указанных выше факта — появление первого упоминания «великого Владимира» в существенно более позднее время и большая вероятность позднейшей интерполяции почетного эпитета по сравнению с возможностью его устранения в летописи, — следует считать, полагая, интерпретацию эпитета «великий» в П как более позднего добавления наиболее экономным объяснением.

То же самое относится и к язычеству Владимира: эта фраза выглядит поздним уточнением, необходимым для тех читателей или слушателей жития, которые уже очень хорошо знали Владимира — крестителя Руси и не ассоциировали его имя с языческими «безобразиями». Впрочем, эти оценки можно считать только наиболее вероятными, *в принципе*, нельзя исключать и противоположной ситуации (эти детали были опущены в Л). Несколько большее значение имеет разночтение во фрагменте 12 между формами «претеребуете» («вмешиваетесь в чужие дела», «хлопочете без надобности» (Л)) и «нудите» (П). Первая форма, несомненно, более архаичная, должна считаться первоначальной (правда, нельзя исключать, что замена в П одного глагола на другой могла произойти и позднее, на этапе переписки)⁶⁴.

В. В. Колесов придавал определенное значение разночтениям во фрагментах 3 и 4 — там, где говорится об окружении Владимира, которое вместе с князем принимало решение об определении жертв с помощью жребия: «...в тексте летописи мы встречаем слово *бояре*, тогда как в Прологе

⁵⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV в. М., 1970. Т. I. Печати X — начала XIII в. С. 20, 172.

⁶⁰ Там же. С. 23.

⁶¹ Там же. С. 20.

⁶² Poppe A. Words that serve the Authority. P. 179.

⁶³ См.: Степаненко В. П. Образы святых на печатях представителей византийской элиты XI—XII в. (закономерности и случайности) // Россия-Крым-Балканы: Диалог культур. Екатеринбург, 2004.

⁶⁴ См.: Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26. P. 94.

в том же отрывке сохраняется обычное в таких случаях *старци*⁶⁵. Но, на самом деле, и бояре, и старцы присутствуют в обоих текстах. В П Владимир «творит жертву» с боярами, а бросить жребий ему предлагают «старцы». В Л сначала выступают «люди свои» (т. е. князя), а совет дают «старци и бояре». Несмотря на распространившуюся в последнее время точку зрения о том, что древнерусское понятие «старци» представляло собой литературную фикцию и не обозначало какой-либо конкретной социальной категории⁶⁶, есть основания предполагать, что некая элитарная группа, обозначавшаяся возрастным по происхождению наименованием (хотя, возможно, и не именно словом «старци»), в восточнославянском обществе все-таки могла существовать⁶⁷. Определить в данном случае, какое чтение первично, очень не просто. Этот фрагмент в П может быть понят двояко: либо старцы и бояре — это одно и то же, два альтернативных наименования ближайшего окружения Владимира, которое вместе с ним решает важнейшие для социума вопросы, либо старцы, как это уже предположил А. Н. Насонов, — это особая группа элиты, отличная от бояр, имевшая отношение к делам языческого культа, жертвоприношениям (или возглавлявшая их)⁶⁸. В Л все как будто проще и яснее: сначала речь идет в целом о княжьих «людях», потом они именуется «боярами и старцами». Последнее сочетание трижды встречается в начальном летописании (один раз в варианте «бояре и старцы градские») и именно в рассказах о религиозной политике Владимира Святославича⁶⁹. Вполне вероятно, первоначальный вариант сказания о варягах-мучениках был в Л в этой части стилизован в соответствии с летописной формулой, а в первой фразе во избежание тавтологии появились «люди свои». Теоретически, однако, возможен (хотя, как представляется, и менее вероятен) другой вариант: искажение летописной формулы в П.

Несколько иначе выглядит, на первый взгляд, неприметное разночтение о победе Владимира над ятвягами: в Л говорится о том, что русский князь «взя землю их» (т. е. завоевал землю балтского племени ятвягов). Была ли в самом деле захвачена ятвяжская земля? Против этого, казалось бы, говорит то обстоятельство, что Ярослав Мудрый в 1038 г. вновь ходил в поход на ятвягов⁷⁰; ясно, во всяком случае, что это завоевание, если оно и имело место, оказалось непрочным. В. Т. Пашуто так комментирует этот повторный поход: «В практике того времени повторение походов на подданные народы — вещь обычная, а ятвяги никогда не были прочным приобретением Древнерусского государства...»⁷¹. С другой стороны, известие о том, что Владимир «Ятвягы взя», содержится в «Памяти и похвале князю Русскому Володимиру»⁷², а именно в третьей ее части, которую вслед за А. И. Соболевским ученые называют «древним житием» Владимира. Так или иначе, достоверность известия начального летописания о завоевании ятвяжской земли находится под вопросом, и это позволяет видеть в словах о нем более позднее дополнение. Таким же логическим пояснением вполне может быть и уточнение Л о том, что варяг исповедовал христианство тайно.

Фраза Л о том, что младший варяг был «красень тѣломъ и душею», представляет собой агиографический топос⁷³ и вполне может быть поздним добавлением. Можно даже предположить,

⁶⁵ Колесов В. В. «Сказание о Варяге и сыне его Иоанне» // Русская речь. 1981. № 5. С. 104.

⁶⁶ См.: Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 186; Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 178–196; Горский А. А. О «племенной знати» и «племенах» у славян // Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 61–69.

⁶⁷ См.: Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. С. 25; Лукин П. В. Нарочитые мужи и старцы. О терминологии славянской «племенной знати» // Россия и Удмуртия: История и современность. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 20–22 мая 2008 г. Ижевск, 2008. С. 333–339.

⁶⁸ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. С. 24–25.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 148–149; ПСРЛ. Т. I. Стб. 106–108.

⁷⁰ См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 153.

⁷¹ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 11.

⁷² Бугославский С. А. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС. 1925. Т. 29. С. 150.

⁷³ Ср., например, аналогичные характеристики святых юношей в древних переводных житиях св. Андрея Юродивого, Димитрия Солунского, Варлаама и Иоасафа.

как оно появилось. При включении рассказа о варягах-мучениках в летопись (или при более ранней его обработке) возникли затруднения с именем старшего варяга. Тогда, вероятно, было элиминировано и имя его сына, и вместо него было введено агиографическое общее место насчет душевной и телесной красоты. То же самое относится и к зависти дьявола. В разночтении в том же фрагменте (б) относительно места, откуда пришел варяг: «из Грек» (Л) или «из Цесаряграда» (П), предпочтение, вероятно, также лучше отдать второму чтению как более точному и конкретному. Соответствует оно и исторической реальности: варяжский корпус византийских императоров был расквартирован именно в Константинополе⁷⁴.

Относительно Л уже А. А. Шахматов заметил, что в нем есть текстуальные совпадения с другими статьями начальной летописи. Он выделил два таких совпадения: в ответе старшего варяга киевлянам о том, что их боги суть «древо» (с обличением язычества миссионерами «немцами» в повествовании о выборе веры Владимиром), и в заключительной сентенции Л о кознях дьявола (с сетованиями дьявола после Крещения Руси). В обоих случаях А. А. Шахматов считал рассказ о варягах-мучениках первичным⁷⁵. Второй фрагмент, однако, в П отсутствует, по мнению же А. А. Шахматова, как уже говорилось, с одной стороны, именно вариант П сказания о варягах-мучениках является первичным по сравнению с Л, с другой — он был уверен в том, что «размышления после крещения составлены под влиянием размышлений в рассказе о первых мучениках». Как же тогда объяснить различия между П и Л, а также совпадение в другом летописном тексте именно с чтением Л в первом фрагменте (№ 9 по нашей классификации) и отсутствие всей сентенции из второго фрагмента (№ 14) в первичном, по А. А. Шахматову, тексте? Откуда же летописец заимствовал эти детали, если в П их не было? Для ответа на эти вопросы надо вновь вернуться к сопоставлению текстов.

Фрагмент № 9.

П

Онъ же реч(е): «не суть б(о)зи, на дрѣво истесано безд(у)шно, и по малѣ сгниеть, не ядѣть бо, ни пиѣть, ни мльвить; Бо(г) бо еди[н] есть на небесехъ, емоуже слоужѣть Гр(е)ци, въ имя Г(оспод)а И(су)-са Х(рист)а крещ(е)на есѣ, ты бо створи небо и землю, а ваши бози что створиша, но сами вами сдѣлани суть...».

Л

И рече Варягъ: «не суть бо бози, на древо; день есть, а оутро изъгнееть; не ядятъ бо, ни пють, ни молвят, но суть дѣлани руками в деревѣ [секирою и ножемъ — НПЛ, Ип.]; а Богъ есть единъ, емуже служатъ Гръци и кланяются, иже створишь небо и землю [и] звѣзды, и луну и солнце и человѣка, [и] далъ есть ему жити на земли; а си бози что сдѣлаша; а сами дѣлани суть».

Проповедь «немцев»

Потомъ же придоша Нѣмци, глаголюще... «вѣра бо наша свѣтъ есть, кланяемся и Богу, еже створишь небо и землю, звѣзды, мѣсяцъ и всяко дыханье, а бози ваши древо суть»⁷⁶.

Связь этих текстов представляется мне несколько иной, чем предполагал А. А. Шахматов. Доказывая первичность Л по сравнению с «проповедью немцев», он ссылался на то, что в речи последних выпад против русских языческих богов бессмыслен, тогда как «в этом обличении вся суть» высказывания старшего варяга⁷⁷. Этот аргумент не является «железным», так как сказание

⁷⁴ См.: Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. I. С. 181–211. В. Г. Пущко слова варяга о том, что он принял христианство «от Грек», считает почему-то вставкой, сделанной «более поздним интерполятором» (*Poulsko* В. С. *Les martyrs varègues de Kiev* (1983). Р. 367), хотя они читаются и в Л, и в П.

⁷⁵ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 110–111.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 85.

⁷⁷ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 110.

о выборе вер легендарно, а выпады «латинян» против языческих идолов столь же достоверны, сколь и, например, заявления летописных мусульман о важности для ислама «похоти блудной». Кроме того, расширенные списки божественных творений в Л и в «Проповеди немцев» имеют явные переклички с теми местами Хроники Георгия Амартола (далее — ХГА), в которых говорится о почитании разнообразными язычниками твари вместо Творца, например: «Сходѣмъ паче домышлениѣмъ и замышлениѣмъ своимъ ч[е]л[о]в[ѣ]ци ч[е]сть и славу б[о]жию възложиша на н[ѣ]бо и на с[о]лнце и на луноу и на звѣзды... Служителници же неч[е]ствью ч[е]л[о]в[ѣ]кы: ѡвѣхъ ꙗже живомъ соущемъ, друугыѣ же и по см[е]рти и б[о]гы нарекоша»⁷⁸. Или: «...оубо первѣѣ б[о]г[у] нарекоша ꙗкоуптѣне и Финикѣне, ѡ нихъ ꙗлини претѣша с[о]лнце и луны и звѣзды и {н}[ѣ]боу и земли (курсив мой. — П. Л.) и прочимъ стоухиѣмъ ꙗко б[о]г[у]мъ служити»⁷⁹. Из приведенных выше текстов ясно следует, что именно в Л перечни из ХГА переданы точнее всего. Это со всей убедительностью свидетельствует о том, что Л не могла возникнуть ранее того времени, когда ХГА повлияла на начальное летописание. Как полагает А. А. Гиппиус, «Хронограф по великому изложению» (далее — ХВИ), в котором была использована ХГА, послужил источником уже для свода 70-х годов XI в. («свода Никона») ⁸⁰. В П между тем упоминается только небо и земля, что имеет очевидный источник в символе веры. Допускать, что автор П сознательно, с неизвестной целью сократил именно то, что читается в перечнях ХГА, было бы в высшей степени искусственно. Напротив, другое объяснение выглядит более простым и естественным. Летописец имел в качестве источников первоначальный вариант сказания о варягах-мучениках, схожий с тем, что читается в П, и фрагмент ХГА (вероятно, в составе ХВИ) и в результате компоновки создал соответствующее место Л⁸¹.

Что касается «проповеди немцев», то она текстуально связана с Л (но не с П) и дальше, чем Л, отстоит от ХГА. Это может быть объяснено двумя способами: или «проповедь» представляет собой переработку Л (что более вероятно) или первична «проповедь», а Л ориентировалась на нее, но была смоделирована с учетом ХГА (что менее вероятно). Но это не так существенно. Важно, что Л здесь явно вторична по отношению к П и имеет ее своим источником, наряду с ХГА. Из П могла быть заимствована основная канва, из ХГА — расширенный список сотворенного Господом.

Очень вероятно, с другой стороны, что позднейшим добавлением являются слова П о том, что варяги были крещены во имя Господа Иисуса Христа, так как они разрывают ясный текст и создают некую неясность относительно того, кто был творцом неба и земли.

Фрагмент 14.

Л

Бяху бо тогда челоѡци невѣголови и погани; дьяволъ радовашеся сему, не вѣды, яко близъ погибель хотяше быти ему. Тако бо тщашеся погубити род хрестѣ[н]ский, но прогонимъ быше хрестомъ честнымъ и во онѣхъ странах; зде же мняше оканъный, яко «сдѣ ми есть жилище: сдѣ бо не суть апостоли оучили, ни пророци прорекли», не и вѣды пророка глаголюща: «и нарекъ не люди моя люди моя»; о апостолѣхъ бо рече: «во всю землю изидоша вѣщанья их и в коней вселенныя глаголи ихъ».

Сетования дьявола

А дьяволъ стена, глаголаше: «Оувы мнѣ, яко осюда /sic!/ прогоним есмь; сде бо мняхъ жилище имѣти, яко сде не суть оученья апостольска, ни суть вѣдуше Бога, но веселяхъся о службѣ ихъ, еже служажу мнѣ, и се оуже побѣженъ есмь от невѣглас, а не от апостолъ, ни от мученикъ. Не имам оуже царствовати в странах сихъ»⁸².

⁷⁸ Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т. I. Текст. С. 60–61.

⁷⁹ Там же. С. 71.

⁸⁰ Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 82.

⁸¹ Ср. также: Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 452.

⁸² ПСРЛ. Т. I. Стб. 118.

А. А. Шахматов и здесь предполагает первичность Л на основании «не вполне ожидаемого упоминания» в «сетовании дьявола» «стран сих»⁸³. Однако предположение ученого полностью опровергается, если так можно выразиться, словами самого дьявола: «се оуже побѣженъ есмь от невѣглас, а не от апостолъ, **ни от мученикъ** (выделено мной. — П. Л.)». Совершенно невозможно представить себе, что книжник, пользовавшийся рассказом о варягах-мучениках, имевший его у себя перед глазами, вдруг забыл о том, что на Руси все-таки были мученики. Очевидно, зависимость тут была противоположной, и радость дьявола в Л была сконструирована на основе его сетований в рассказе о Крещении Руси. А это еще один, и очень серьезный, аргумент, во-первых, в пользу того, что весь «дьявольский» эпизод в Л действительно, как считал А. Н. Насонов, представляет собой вставку в более раннем тексте; во-вторых, что Л в целом — текст отнюдь не первичный по сравнению с П. Тут, между прочим, становится ясной и судьба сведений о варягах-мучениках. По-видимому, единственным источником информации о них было краткое первоначальное сказание (назовем его ПС), которое проникло в киевское летописание лишь на определенном этапе его развития (ниже будет предпринята попытка предположить, когда это могло произойти). До этого о варягах-мучениках, по-видимому, вообще практически не было известно, а после основным источником информации о них стала летопись: с этим, вероятно, и связано отсутствие конкретных сведений о них (в частности, «безымянность») в послании епископа Симона. Существовала и другая традиция, отразившаяся в Прологе и, может быть, в устных преданиях вокруг Туровой божницы, сохранившая древние элементы ПС.

Свидетельство Л (отсутствующее в П) о том, что киевляне при расправе с варягами «розъяша дворъ», может быть интерпретировано двояко: либо это было техническое средство для того, чтобы устранить препятствие, либо это был элемент наказания «потока и разграбления», широко применявшегося в Древней Руси и в значительно более позднее время⁸⁴ — уничтожение имущества преступника, противодействовавшего коллективной воле. Первое понимание более вероятно, так как в источнике прямо сказано, что был разрушен не двор как таковой, а двор «около его», хотя нельзя исключать, что подлинный смысл действий киевлян был книжниками не понят или сознательно затемнен: они, разумеется, не могли признавать варягов-мучеников преступниками, а из рассказов о них следует, тем не менее, что именно так они и воспринимались язычниками-киевлянами. В любом случае это, очевидно, вполне реальная деталь, не попавшая в П. Другое разночтение — указание на то, что варяги стояли на сених в Л, и его отсутствие в П — вероятно, как считал А. Н. Насонов, также подлинная деталь, сохранившаяся в Л⁸⁵, поскольку в П не очень понятно, зачем киевлянам надо было «подсекать» сени.

Среди деталей, имеющих в Л и отсутствующих в П, одна из самых важных и информативных — *упоминание места двора варягов в Киеве* (на месте будущей Десятинной церкви). Является ли она поздним добавлением в Л или, напротив, присутствовала в раннем тексте и была сокращена в Л? Ответить на этот вопрос помогает обращение к другому сюжету начальной летописи о человеческом жертвоприношении, организованном Владимиром, — известному рассказу об установлении «кумиров» в Киеве: «И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго... [и] жряху имъ, наричюще я б[ог]ы, [и] привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю теребами своими. И осквернися кровьюми земля Руска и холмо-тъ, но преблаги Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церки стоить святого Василья есть, якоже послѣди скажемъ, мы же на преднее възратимся»⁸⁶.

⁸³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 110.

⁸⁴ См.: Лукин П. В. «Поточи Мьстиславъ Полотьский князь». Об одной из форм наказания в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1 (27). С. 20–35.

⁸⁵ Насонов А. Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. С. 24.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 79.

Этот же текст (с незначительными орфографическими отличиями) читается и в НПЛ мл.⁸⁷ и, следовательно, читался в «Начальном своде» 90-х годов XI в. Между тем в нем наличествует очевидная неудачная вторичная правка, на что совершенно справедливо обратил внимание А. А. Шахматов. Исследователь отметил, что все это место представляет собой вставку в «Начальном своде», что обнаруживают, во-первых, слова «якоже послѣди скажемъ», во-вторых, искажение смысла из-за пропуска, допущенное в результате вставки («подлежащее “Богъ” осталось без сказуемого»)⁸⁸. А. А. Шахматов считал, что источником вставки послужил первоначальный несохранившийся вариант «Корсунской легенды», но упоминание в летописи о том, как Владимир после крещения киевлян «постави церковь святаго Василья на холмѣ, идеже стояше кумирь Перунъ и прочии, идеже творяху потребы князь и людье»⁸⁹, делает возможным и другое предположение: о включении в «Начальный свод» упоминания о жертвоприношениях именно на месте будущей церкви св. Василия *ex post* — на основании уже имевшегося в еще более раннем летописном своде («Древнейшем», по терминологии А. А. Шахматова) сведения. С. Рожнецкий определял как вставку именно небольшой пассаж о строительстве церкви св. Василия, «связующее звено» между основным текстом и «интерполяцией» он видел в выражении «холмоть»⁹⁰. С этим мнением можно согласиться, но с определенными оговорками. Известие о языческом пантеоне Владимира имеет параллель в ХГА: «...когда же Вельфегороу поклонившися, иногда же Валоу и Фамоуза и Сидонию Истарьтиню и Мольтхома и Хамоса, и иногда сълньцю и лоунѣ и звѣздамъ, ~~я~~же б[ог]ъ на сипаник ч[е]л[о]в[ѣ]к[о]мъ створи, а не на покланѣник, и несловесныхъ животинъ, рекше скотинамъ, ~~я~~ко ~~я~~гоуптѣне... и боги сребреныя и златыя, ~~я~~ко въ Июдѣи. Се же протавла~~я~~ и претѣ имъ, б[ог]ъ гл[агола]ше пр[о]р[о]комъ: “...сего рад[и] оубо поистинѣ потребишас[я], яко б[ог]а прогнѣваша и с[в]я[т]ую оную землю оскверниша”»⁹¹. Ясно, что в обоих текстах фразы об осквернении земли выглядят логичными окончаниями соответствующих эпизодов, а уточнение в летописи о том, что «холм» тоже был осквернен жертвоприношениями, выглядит искусственным («холм», понятно, был частью «Русской земли») и могло понадобиться для того, чтобы ввести топографическое указание о церкви св. Василия. Мы, скорее всего, имеем дело не с одной вставкой, а с двумя (вторая — слова: «на холму внѣ двора теремнаго»), причем довольно поздними (вероятно, принадлежащими автору «Начального свода», так как они находятся в тексте, в котором прослеживается воздействие ХГА, а, как уже отмечалось выше, первым сводом, испытавшим влияние ХГА, по всей видимости, был свод 1070-х годов)⁹². Так или иначе, обращает на себя внимание тот факт, что в обоих рассказах начальной летописи о человеческих жертвоприношениях в языческом Киеве имеются топографические отсылки, и во втором случае эта отсылка практически бесспорно принадлежит не изначальному тексту, а более поздней вставке; в первом же случае имеется текст, где такое указание отсутствует. Вероятно,

⁸⁷ ПСРЛ. Т. III. С. 128.

⁸⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 105–106.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 118.

⁹⁰ Rožniecki S. Perun und Thor. S. 506. См. также: Мансикка В. Й. Религия восточных славян. М., 2005. С. 77 (по мнению финского исследователя, источником этого топографического «приурочения» в Начальном своде послужило устное местное предание).

⁹¹ Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Т. I. С. 295. См. также: Мансикка В. Й. Религия восточных славян. С. 78.

⁹² Ср. точку зрения Х. Ловмянского, который с творчеством составителя свода 70-х годов XI в. («Никоном») связывает основное содержание известия о «языческой реформе» (Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок. СПб., 2003. С. 92–93). Очень близок фрагмент о жертвоприношениях в рассказе под 980 г. к аналогичному упоминанию о «кумиротвореньи» Серуха из «Речи Философа» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 91). О том, какая была зависимость между этими отрывками (принадлежат ли они одному летописцу, использовавшему ХГА, или один — позднейший — списывал у своего предшественника), можно только гадать (см. также об этом: Мансикка В. Й. Религия восточных славян. С. 77–78). А. А. Гиппиус полагает, что основная часть «Речи Философа», посвященная истории Спасения (в том числе, очевидно, и эпизод с «кумиротвореньем»), появилась в своде 70-х годов XI в. (Гиппиус А. А. Крещение Руси в Повести временных лет: К стратификации текста // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 22).

как первая отсылка (о Десятинной церкви), так и вторая (о церкви св. Василия) были введены *ex post* и именно летописцем, имевшим перед собой текст, в котором говорилось о строительстве этих храмов при Владимире⁹³. Этому же летописцу, придерживаясь принципа наиболее экономного объяснения (теоретически, конечно, можно предполагать наличие и промежуточных текстов, в которые могла быть внесена «топографическая» вставка), следует, думается, приписывать и оформление Л. С творчеством этого же, проявляющего особый интерес к топографии автора следует, видимо, связывать и указание Л во фрагменте 10 о том, что место захоронения варягов-мучеников было неизвестно.

Насколько достоверна эта топографическая вставка? Н. И. Милютенко обратила внимание на то, что еще М. К. Каргер в известной работе о киевских древностях показал, что на месте Десятинной церкви до ее строительства находился языческий некрополь («курганный могильник» по терминологии Н. И. Милютенко)⁹⁴. Правда, уже после М. К. Каргера украинский археолог и историк П. П. Толочко предложил вернуться к точке зрения, которую, по его словам, высказывали «некоторые» исследователи, о том, что домом варягов было раскопанное в 1908 г. близ южной апсиды Десятинной церкви «интересное деревянное сооружение» — сруб из истлевших бревен размером 5,5×5,5 м⁹⁵. Действительно, такое сооружение — остатки сруба в глубокой грунтовой выемке, вырытой в лёссовом материке, — было обнаружено в 1908 г. в ходе раскопок Д. В. Милеева. Первый исследователь камеры видел в ней остатки гражданской постройки⁹⁶, на основе чего в литературе возникла догадка о том, что это был упоминающийся в летописи двор варяга-мученика, попавшая даже в путеводители⁹⁷. Но, вопреки П. П. Толочко, утверждавшему, что «все последующие исследователи... видели в срубе под Десятинной церковью гражданское строение»⁹⁸, дело обстоит совершенно иначе. Еще М. К. Каргер убедительно опроверг идею об отождествлении сруба под южной апсидой храма с домом варягов и усматривал в нем отнюдь не «гражданское строение», а погребение в подкурганном срубе (№ 109 по его нумерации). Ученый подчеркивал, что этот сруб находился на территории киевского некрополя IX—X в., среди его многочисленных курганов. Наиболее богатые погребения этого некрополя расположены в подкурганных срубах, «по своему устройству и... по стратиграфическим условиям полностью повторявших подземную камеру-сруб, раскопанную в 1908 г.». Внутри сооружения были найдены бронзовые изделия, которые «имеют ближайшие аналогии среди инвентаря курганных погребений X в. на Руси и в Венгрии»⁹⁹. Точка зрения М. К. Каргера в настоящее время разделяется практически всеми специалистами по киевской археологии (за исключением П. П. Толочко, который предлагает видеть в нем, если и не обязательно «дом варяга», то хотя бы остатки постройки «громадського характеру»¹⁰⁰ или «нижнюю часть (подклеть) жилого дома X в.»¹⁰¹). В. Козюба сформулировал аргументы, которые свидетельствуют в пользу погребения и против идеи о гражданской постройке: «Підстав вбачати

⁹³ В. В. Колесов высказывал предположение о том, что указание о местоположении двора варяга — более поздняя вставка в Л, но никак его не обосновывал (Колесов В. В. «Сказание о Варяге и сыне его Иоанне». С. 104).

⁹⁴ Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. С. 145, 174.

⁹⁵ Толочко П. П. Древний Киев. С. 38–39. В. Козюба дает несколько иные размеры: котлован — 5,7×5,1 м, камера — 4,8×4,2 м (Козюба В. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 р. за матеріалами щоденників Д. В. Милєєва // *Ruthenica*. 2005. Т. IV. С. 190). В 2008 г. габариты объекта были уточнены: сруб без выпусков — 5,0×5,8, котлован камеры — 6,3 × не менее 6,4 м (западная граница не прослежена) (информация Д. Д. Ёлшина).

⁹⁶ Об этом прямо сказано в полевом дневнике Д. В. Милеева; см.: Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. С. 18.

⁹⁷ См.: Шероцкий К. В. Киев. Путеводитель. Киев, 1917. С. 92.

⁹⁸ Толочко П. П. Древний Киев. С. 38–39.

⁹⁹ Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 173–175.

¹⁰⁰ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. С. 59.

¹⁰¹ Толочко П. П. Массовая застройка Киева X–XIII в. // Древнерусские города. М., 1981. С. 70–71. См. также: Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. По материалам археологических исследований. Киев, 1982. С. 49.

в ньому поховальний комплекс набагато більше, ніж пов'язувати його з житлово-господарчою спорудою. Зокрема, на користь першого свідчать: згадувана однорідність заповнення всередині камери та по її периметру зовні; знахідки ремінної фурнітури та двох дирхемів; відсутність слідів печі; відсутність будь-яких житлово-господарчих споруд на цій ділянці»¹⁰². Даже В. Н. Зоценко, допускающий в принципе, что какие-то сооружения, в том числе и летописный «двор варяга», могли существовать на Старокиевской горе до строительства Десятинной церкви, совершенно убежден в том, что «большая срубная погребальная камера под южной апсидой Десятинной церкви... к “дому” мученика варяга никакого отношения не имеет»¹⁰³. Находит свое объяснение и отсутствие в погребении № 109 собственно захоронения, а также его необычно большие размеры — аргументы, которые обычно приводились в поддержку гипотезы о «гражданской постройке». К. А. Михайлов предположил, что во время строительства Десятинной церкви произошли преднамеренное «изъятие» погребенного из этой могилы и засыпка самой камеры: ведь она попала почти полностью под фундамент южной апсиды. Само же это погребение, по его мнению, могло относиться к тому участку киевского некрополя, «где были захоронены умершие родственники киевского князя»¹⁰⁴. Этим и могут объясняться необычно большие размеры погребения № 109. В свою очередь, Ф. Андрощук заметил, что догадка Д. В. Милеева (поддержанная П. П. Толочко) основывалась, во-первых, на отсутствии в то время сведений о существовании камерных погребений, во-вторых, на отсутствии захоронения в погребении № 109. Последнее обстоятельство, как считает исследователь, объясняется гипотезой К. А. Михайлова, которую он называет «весьма перспективной»¹⁰⁵.

Кроме того, как показывают последние археологические исследования, во второй половине X в. в будущем «городе Владимира» застройка (в том числе и княжеские дворцы) вообще не обнаруживается. Только в конце этого столетия на Старокиевской горе на месте языческого некрополя возникает верхний город — с Десятинной церковью в центре¹⁰⁶. Д. Д. Ёлшин — новейший исследователь проблемы — отмечает: «Анализ материалов археологических раскопок памятников, которые... относили к более раннему (чем строительство Владимира Святославича в связи с возведением Десятинной церкви. — П. Л.) периоду... показывает, что ни одна из интерпретаций не выдерживает критики». Это характерно и для остатков двух зданий, которые в историографии связывались с летописными княжескими дворами «в граде» и «вне града»¹⁰⁷. Фундаменты первого содержат «вторично употребленные материалы из построек X в.: плинфы, черепицы, пиррофиллитовые плиты. Скорее всего, строительство сооружения относится ко времени после частичной разборки построек Владимира, достоверные следы которой фиксируются не ранее конца XI в.»¹⁰⁸. При строительстве второго использовались те же технологические приемы, что и при возведении центрального объема Десятинной церкви, и датировать его нужно, следовательно, концом X в.¹⁰⁹

¹⁰² Козюба В. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві. С. 190.

¹⁰³ Зоценко В. Н. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода» // *Ruthenica*. 2003. Т. II. С. 40.

¹⁰⁴ Михайлов К. А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // *Российская археология*. 2004. № 1. С. 37–38, 42.

¹⁰⁵ Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. С. 19.

¹⁰⁶ Sahaydak M. Medieval Kiev from the Perspective of an archaeological Study of the Podil District // *Ruthenica*. 2005. Т. IV. Р. 157.

¹⁰⁷ См.: Иванцов И. О. Стародавній Київ. Київ, 2003 (издание работы, написанной в 1940–1941 г.). С. 76–77; Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. С. 55–57; Егго же. Древний Киев. С. 34–36; Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. С. 36–42. Впрочем, и этот автор, утверждавшая, что «известия летописи под 945 г. о князем дворе в “граде”, о каменном тереме “вне града”, подтверждаются археологическими исследованиями», признавала отсутствие возможности «точно определить время строительства и назначение этих сооружений».

¹⁰⁸ Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. АҚД. СПб., 2008. С. 19. Приведенные Д. Д. Ёлшиным данные позволяют поставить под вопрос и достоверность летописного комментария о киевской топографии в рассказе о мести Ольги древлянам (НПЛ. С. 110–111; ПСРЛ. Т. I. Стб. 55), он вполне может быть, как и аналогичные указания в Л, поздней вставкой.

¹⁰⁹ Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе. С. 18. Примерно так же (концом X — началом XI в.) датировал это сооружение («северо-восточный дворец») М. К. Каргер, категорически отвергавший воз-

В свое время М. К. Каргер пришел к выводу о том, что погребения на Старокиевской горе располагались до конца 80-х годов X в. по всей территории будущего «города Владимира»¹¹⁰. В таком случае, действительно, сложно себе представить двор варягов-христиан среди языческих могил! Позднее, однако, была предпринята попытка передатировать конец существования могильника. П. П. Толочко на основании анализа находок монет в погребениях сделал вывод о том, что некрополь прекратил существование уже в первой половине X в.: «...вже в першій половині X ст. могильник на Старокиївській горі як масовий, міський припиняє свої функції»¹¹¹. Его поддержала С. Р. Килиевич, приводившая в качестве аргумента ссылку на то, что застройка его территории якобы началась «еще задолго до княжения Владимира Святославича»¹¹². Если второй довод представляет собой классический *circulus vitiosus* (постройки в городе Владимира точно датированы быть не могут, и, тем не менее, их датировка подтверждает датировку некрополя), то первый — хронология находок — опровергается современными данными¹¹³, которые в значительной степени возвращают нас к точке зрения М. К. Каргера. Так, К. А. Михайлов констатирует: «Попытки выявить следы “довладимирова” древнерусского строительства X в. на участках, занятых могилами, пока так и не увенчались успехом». Как и полагал М. К. Каргер, Старокиевская гора вплоть до строительства «города Владимира» была занята огромным некрополем, «который тянулся от Десятинной церкви до Софийского собора»¹¹⁴.

Итак, летописное топографическое указание о дворе варягов оказывается не только более поздней деталью, но и, как совершенно верно заметила Н. И. Милютенко, деталью фактически неверной. Очень ясно об этом же пишет — в связи с совершенно другими проблемами — и киевский археолог А. Комар: «Слабые познания летописцев XI в. о топографии Горы X в. отразились и в локализации под 983 г. двора варягов-христиан на месте Десятинной церкви, то есть на территории могильника»¹¹⁵.

Несоответствие топографического указания Л известным по археологическим данным реалиям превращает его отсутствие в П в весомый аргумент более раннего происхождения этого текста. Также недостоверно и топографическое указание в статье под 980 г., так как выясняется, что, согласно современным археологическим данным, в дохристианское время княжеского «теремного двора» на Старокиевской горе не было.

Проведенный анализ с большой долей вероятности приводит к следующим выводам. Обе версии рассказа о варягах-мучениках чрезвычайно близки между собой, но тем не менее **не могут быть возведены одна к другой** (для П это исключается полностью, для Л представляется

возможность связать ее с «теремом» Ольги «вне града» (Каргер М. К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М., 1961. Т. II. С. 77). Еще раньше эту же датировку предлагала в 1936 г. экспертная комиссия на основе раскопок Ф. Н. Молчановского (см. об этом: Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. С. 15–17).

¹¹⁰ Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. С. 134, 226.

¹¹¹ Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. С. 64.

¹¹² Килиевич С. Р. Детинец Киева IX — первой половины XIII веков. С. 47.

¹¹³ Так, в 2006 г. было исследовано подкурганное погребение X в., прорезанное при сооружении фундаментов северо-восточного угла Десятинной церкви, и в нем была обнаружена костяная подвеска с зооморфным изображением, датирующимся, скорее всего, временем не ранее 80-х годов X в. (см.: Ёлишин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. Дисс. на соиск. степни канд ист. наук. СПб., 2008. С. 188).

¹¹⁴ Михайлов К. А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная. С. 35. См. также: Ёлишин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе. С. 20 («Новые находки, относящиеся к могильнику, подтвердили предлагающуюся и ранее датировку его второй половиной X в.»); Зоценко В. Н. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода». С. 30–31; Козюба В. К. Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004. С. 150.

¹¹⁵ Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. 2005. Т. IV. С. 131. Если где-то и искать «двор варяга», то, видимо, делать это стоит на Подоле, который уже в начале X в. представлял собой «большой городской район с регулярной застройкой по всей территории и развитой планировочной структурой» (Sahaydak M. Medieval Kiev. P. 153).

очень маловероятным). Следовательно, **это редакции одного протографа (ПС)**, с некоторыми различиями отразившегося в обоих текстах. При этом **редакция П существенно лучше отражает протограф**, хотя некоторые лучшие чтения есть и в Л. Таким образом, при использовании Сказания о варягах-мучениках как исторического источника следует класть в основу именно П и восполнять ее пробелы на основании лучших чтений Л.

Каким временем следует датировать ПС? Наличие рассказа о варягах-мучениках в НПЛ мл. (хотя, как говорилось выше, и в несколько искаженном по сравнению с ПВЛ варианте) позволяет достаточно уверенно предположить, что он читался в «Начальном своде», а следовательно, ПС не могло возникнуть позднее 90-х годов XI в. А. А. Шахматов считал, что в летопись включил этот рассказ уже составитель «Древнейшего свода»¹¹⁶, созданного, по его мнению, при Ярославе Мудром. Он обосновывал это тем, что в «Древнейшем своде» есть «следы пользования» этим рассказом, а именно в речи немецких проповедников и в сетовании дьявола при Крещении Руси. Выше, однако, уже был сделан вывод о том, что эти оценки А. А. Шахматова отнюдь не являются бесспорными. С учетом отмеченного также выше интереса составителя именно «Начального свода» к топографии киевских жертвоприношений обработку Л можно связывать именно с творчеством последнего (хотя нельзя исключать и того, что Л появилась и в более раннем своде — 70-х годов или «своде Никона»; как уже говорилось, критерии распределения известий между этими двумя сводами из-за отсутствия контрольных текстов и того обстоятельства, что и там, и там была использована одна и та же хронографическая компиляция, весьма зыбки). Во всяком случае, ничто не обязывает нас считать вслед за А. А. Шахматовым, что рассказ проник в киевскую летопись ранее конца XI в. и, следовательно, именно 90-е годы XI в. следует рассматривать при датировке ПС как *terminus post quem*. Этому как будто противоречит одно выражение, содержащееся в богословской вставке в Л (фрагмент 14): «Бяху бо тогда челоуѣци невѣголоси и погани». Сочетание «невѣголоси и погани» применительно к русским язычникам встречается еще один раз, а именно в рассказе Начальной летописи об Олеге, там, где объясняется, почему он был прозван «вещим»: «И прозваша Олга вѣщии, бяху бо людье погани и невѣгласи»¹¹⁷. Вряд ли это просто совпадение, скорее всего, мы имеем дело с определенной стилистической закономерностью. А. А. Шахматов относил фразу о «вещем Олеге» к самому раннему ядру начального летописания — к так называемому «Древнейшему своду», который он датировал временем княжения Ярослава Мудрого¹¹⁸. Тем самым, казалось бы, аналогичную характеристику киевлян-язычников в Л нужно тоже относить к самому древнему летописному тексту. Но, на самом деле, эта ситуация может иметь другое и, как представляется, лучшее объяснение. Даже если не принимать во внимание возможности того, что более поздний летописец мог просто использовать при случае понравившуюся ему фразу своего источника, следует обратить внимание на то, что фраза, осуждающая невежд-язычников, прозвавших своего князя «вещим», находится в разительном противоречии с повествованием об Олеге в целом, несомненно, представляющим собой его восхваление. На это обстоятельство обращал внимание Н. К. Никольский, отмечавший, что киевляне «без объяснения причин из тихого, кроткого, мудрого и смысленного племени... неожиданно для читателя превращаются (под 6415/907-м годом) в “поганных” и “невеголосов”, а затем (под 6488/980-м и 6491/983-м годами) и в кровожадных язычников, совершающих перед идолами человеческие жертвоприношения...»¹¹⁹. Очевидно, что в источнике устного происхождения, воспевающем первых русских князей, не могло быть такой уничижительной

¹¹⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 110.

¹¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 32; в НПЛ: «бяху люди погани и невѣгласи» (ПСРЛ. Т. III. С. 109).

¹¹⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 389.

¹¹⁹ Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1 (Сборник по русскому языку и словесности. Т. II. Вып. 1). С. 84–85.

характеристики. Не исключено поэтому, что «человѣди невѣголови и погани» — в обоих случаях продукт творчества более позднего летописца, вероятнее всего составителя Начального свода, ведь именно для него, как отмечает А. А. Гиппиус, было характерно «противопоставление языческого прошлого Руси ее современному состоянию цветущей христианской державы»¹²⁰. Такое микродобавление с отрицательной характеристикой при последующей переработке более раннего летописного текста — вещь, совсем не исключительная в истории русского летописания. Достаточно вспомнить известное добавление Московского летописного свода конца XV в. о новгородцах, изгнавших князя: «...таковъ бо бѣ обычаи оканных смердов измѣнниковъ»¹²¹. Что касается рассказа о жертвоприношении, из-за которого пострадали варяги-мученики, то он, также противоречащий основной тенденции древнейшего летописного ядра, был включен в летопись из другого источника — именно ПС.

Связывать непременно составление ПС с Десятиной церковью, как предлагал А. Н. Насонов, однозначных оснований нет: главным свидетельством в пользу этого историк считал фразу о местоположении двора варягов, но она, как было выяснено выше, скорее всего, отсутствовала в первоначальном тексте. С другой стороны, очевидно агиографический характер повествования наводит на мысль о каком-то церковном источнике. Правдоподобным в связи с этим выглядит предположение М. Д. Присѣлкова о том, что первоначальное сказание о варягах-мучениках, как и о св. Ольге, появилось в рамках подготовки к «ожидаемой канонизации»¹²²: молодой русской церкви нужен был свой пантеон святых. ПС, несомненно, существовало до возникновения Пролога, а не было написано специально для него: Пролог 2-й (пространной) редакции, в котором читается П, был, по-видимому, создан древнерусскими книжниками в конце XII в. на основе осуществленного в начале того же столетия славянского перевода византийского Синаксаря, где, разумеется, никаких славянских памятней не было. При составлении Пролога к синаксарным житиям были добавлены тексты, «извлеченные... из переводных и оригинальных славянских произведений»¹²³.

В то же время многие явно древние и достоверные черты этого исходного краткого повествования заставляют предполагать, что оно могло возникнуть и гораздо раньше, в том числе и «по горячим следам». О раннем происхождении ПС может косвенно свидетельствовать употребление формы «отѣника» в Л в составе более поздней вставки. Это *dualis tantum* со значением «отец и сын»; данная словообразовательная грамматическая модель «по всей видимости, отражала весьма древнее языковое состояние». В дошедших до нас текстах она представлена двумя гапаксами: «отѣника» и «матерѣници/материци» (мать и дочь — в одном из переводных памятников канонического права)¹²⁴. Ясно, что, если это архаичное слово присутствует в более поздней вставке, исходный текст должен быть еще более архаичным.

Таким образом, выясняется следующее. Сказания о киевских варягах-мучениках в начальном летописании и Прологе текстуально близки, но не могут быть выведены одно из другого. Они восходят к общему источнику, которым было не дошедшее до нас Первоначальное сказание, отразившееся в обоих текстах, но несколько лучше — в проложной версии. Это ПС, очевидно, было написано весьма рано, во всяком случае, не позже 90-х годов XI в., когда его

¹²⁰ Гиппиус А. А. Крещение Руси в Повести временных лет. С. 22. А. А. Гиппиус также полагает, что рассказ о варягах-мучениках появился именно в Начальном своде (Там же. С. 22–23).

¹²¹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 82. См. об этом: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV в. Л., 1976. С. 164, 167.

¹²² Присѣлков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII в. СПб., 2003 (1-е изд. — 1913). С. 44.

¹²³ Прокопенко Л. В. Лингвотекстологическое исследование Пролога за сентябрьское полугодие по спискам XII — начала XV в. АКД. М., 2009. С. 6, 12–20. Сходного мнения придерживается и еще одна современная исследовательница Пролога О. В. Лосева: синаксарь был переведен в конце XI — начале XII в., а пространная редакция (которую она также считает первичной по сравнению с краткой) была составлена в 60-е годы XII в. (Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV в. М., 2009. С. 23–52, 80–128, 253).

¹²⁴ Крысько В. Б. Отѣника и материци // Славяноведение. 2002. № 1. С. 46.

переработанная и дополненная некоторыми недостоверными деталями версия скорее всего была включена в летопись. При составлении Пролога 2-й редакции также использовалось ПС; при этом оно было несколько видоизменено. Вероятнее всего, ПС о варягах-мучениках, представлявшее собой краткую синаксарную память местночтимых святых, было написано специально с целью прославления первых русских мучеников. Впоследствии, во второй половине XII в., как мы знаем, эта и некоторые другие восточнославянские памяти вошли в состав древнерусского Пролога, созданного на основе переводного Синаксаря.

Особый вопрос — значение Сказания о варягах-мучениках как исторического источника. Для ответа на него необходимо оценить достоверность содержащейся в нем исторической информации, но это задача отдельного исследования.